

**МУРЛОВ,
или
ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТСУТСТВИЯ**

Роман

Глава 47.

Крыша поехала.

1. Испытание судьбой.

В последний год Фортуна повернулась к Кукуевым задом. Но это, кстати, вовсе не означало, что она в то же время повернулась передом, скажем, к Волобуевым.

Здесь я позволю себе на минутку отвлечься, дабы пояснить одно распространенное заблуждение. Вряд ли есть что-либо изменчивей и капризней Фортуны, текущей, как вода, — недаром она приходится дочерью всем земным водам. Ее называют по-разному: и богиней судьбы, и богиней счастья, и богиней случая, и богиней прихоти, и самой переменчивостью. В Греции ее называли когда Тюхэ, когда Эхе. А Данте, например, считал, что она вовсе никакая не богиня, а простая исполнительница воли богов, так сказать, ведущий специалист по данному профилю. А поскольку богов много, у нее нет четкого лица и определенного образа действий. Поэтому, когда говорят, что Фортуна повернулась к вам задом, не расстраивайтесь особо, так как это может вообще ничего не значить или быть всего лишь очередным благосклонным поворотом судьбы. Не суетитесь и терпеливо ждите.

¹ Продолжение. Начало в №№ 1 — 4.

Кукуевы же, к сожалению, ждать и терпеть не умели. Вернее, не могла ждать и терпеть глава семейства — Кукуева. Галина Петровна была щедрой, требовательной и нетерпеливой. Впрочем, все три названные черты были проявлением одной неумной энергии. Правильно говорят: баба, как горшок, что ни влей — все кипит.

Василий Васильевич был другой и его всю жизнь звали Вась-Вась. Вась-Вась работал зав. складом и имел специфическую психологию хранителя чужих материальных ценностей. Помимо основного места хранения, они хранились у него и в потайных местах на самом складе, и в кладовке дома, под присмотром супруги, и в тайных от всего мира и супруги местах их старой квартиры. У Вась-Вася было также несколько зачек (про черный день и на старость) в рублях, долларах и сертификатах, которые он раз в месяц раскапывал и любовно пересчитывал.

В десятиметровой кладовке Кукуевых, так называемой «тещиной комнате», десятилетиями хранились на стеллажах и поддонах мешки с сахаром и ящики с шампанским и водкой. В последние годы их сменили всякие разноцветные коробки с импортной безвкусной, но долго хранящейся, жратвой. Правда, пять-десять мешков с сахаром и пять-десять ящичков с отечественной водкой (на всякий случай) место свое занимали постоянно. Что ни говори, а на Руси демократы, как правило, правят недолго, а водка и сахар — основа любого режима.

Галина Петровна была прекрасная хозяйка. Ее борщ на сахарной косточке, жаркое из барашка в горшочках, рыбный пирог и торты «Наполеон» и «Негр в сметане» были известны далеко за пределами их квартиры, и одно только упоминание названных блюд вызывало у всех родных и знакомых обильное слюноотделение. Скорее всего, именно это обстоятельство было причиной такого нечеловеческого смирения ее супруга. Вась-Вась больше всего в жизни любил вкусно покушать.

Галина Петровна родилась в начале марта и по гороскопу была рыба. Вода была ее страсть, упоение, восторг и общая беда. Она обожала стирать, мыть полы и окна, мыть посуду, купать детей, собаку, мочалкой тереть спину мужу, купаться сама,

поливать цветы, грядки, просто из шланга увлажнять на даче воздух, через день мыть себе голову и каждый день всем устраивать головомойки.

По молодости, пока не было детей, Кукуевы почти ежегодно отдыхали на море — в Крыму, в Сочи, в Абхазии и Аджарии. Тогда все это было «наше». Галина, как всякая рыба, могла держаться в воде сутками, и когда она утром сообщала: «Вася! Я пошла в Турцию!» — она именно так и говорила — «пошла», как корабль, Вась-Вась говорил ей: «Иди», — и спокойно шел пить пиво с вяленой мойвой или домашнее вино «Александриуэлли» из трехлитровой банки. Когда жена вечером возвращалась из Турции, он, расслабленный пивом, благодушно интересовался:

— Как Турция?

И Галина отвечала:

— Одни турки.

Однажды она не вернулась вечером, а ночью Кукуева забрали пограничники для опознания личности гражданки, найденной в территориальных водах.

— Ты что, сдурела?! — сказал ей тогда ночью Вась-Вась. — Ты зачем туда заплыла?

— Я же сказала тебе, что пошла в Турцию.

Хорошо, тогда ни его, ни ее не стали таскать и сообщать на работу, но через два месяца Кукуевым пришел толстый конверт из турецкого города Хопа. В конверт была вложена турецкая газета «Хюрриет» на турецком языке, с заметкой, в заголовке которой было русское слово «Галина», а под текстом на фоне моря и яхт, с широкой улыбкой, стояла рослая, на голову выше стоящих рядом с ней турецких полицейских, Галина в купальнике. Полицейские тоже улыбались.

Особенно доставала Василия Васильевича дача, пришедшая вместе с детьми на смену Черному морю и вяленой мойве. Он любил подремать на воле, но разве тут поспишь, когда ни свет ни заря раздавался страшный крик Галины: «Вставайте! Воду дали!»